

Блокада

*Блокаде, травме Ленинграда,
Повязка сшита на века
Из нашей памяти и уваженья.*

Предисловие

Всё точно в прошлое уходит,
Сменяет век один другой,
Но память воскресит любому,
Кто был блокады жертвой,
Упоминанье о войне.
В судьбе Отчизны три этапа:
Россия до Петра, Империя, Страна Советов,
Менял названия город на Неве три раза:
Санкт-Петербург и Петроград,
Конечно, не забудем Ленинград.
Совпадение ли это, вряд ли?
Нам не понять истории ходы,
Но если Ленинград не Родины душа,
То символ мужества, патриотизма,
Добытого ценой немыслимых страданий.
Настал двадцатый лютый век,
Вот где душа, где человек?
Здесь человек - набор лишь генов,
Предмет он высшей или низшей расы,
А также пленник ужасов войны.
Не зря везде молва сейчас идёт,
Услышим в каждом уголке Отчизны:

Ещё до первой мировой войны,
Художником был фюрер Гитлер.
И кисть имея власти безграничной,
Мелтон про Вальгалу¹:
Создать везде фашистский рай
Сейчас для всей арийской расы.
Над нами не одержит он победы
И не взорвёт наш дух блокадой,
Свой город, Ленинградцы, отстоим!

1 глава

«Учебный год мы начинаем,
Познаниями ум мы наполняем,
Проходят этот путь все поколения!
И мне блокадника досталась доля,
Блокада немцев нас настигла,
В начале осени, восьмого сентября,
Суровой жизни школа началась!
История – одни лишь повторенья,
Ведь Шлиссельбург сначала Пётр захватил,
А позже Петербург он основал.
Теперь фашисты крепость захватили,
И город весь в блокаду заточили,
Осталось Ленинград им штурмовать,
Обстрелами, кольцом его сжимать.
Обрушилась не раз лавина из листовок,
Чтоб мы к победе не стремились,

¹ Вальгáлла в германо-скандинавской мифологии — рай для доблестных воинов.

Чтобы скорей фашистам сдались,
Им к городу любовь не отобрать,
Держаться, воевать мы будем,
Любимый Ленинград спасём!»
- Так думал юноша один,
Как только голодать он начал.
Имея смелости порывы,
Хотел пойти на фронт, на батарею,
И записаться в армию солдатом,
Потомственный он Ленинградец.
Возможно, всё произошло бы так,
Когда бы не родной его отец,
Начальник одного завода.
Не мог он видеть гибель
Единственного тогда сына.
Ему он запретил, следил за ним,
Прося сидеть побольше дома.
Имел среди военных связи,
И, если б сын пойти на фронт решился,
Об этом бы узнал отец немедля!
У сына появились вечные вопросы:
«Из-за любви отца наложены запреты,
Ну, разве стала не тюрьмой семья?
Наоборот любовь в семье – свобода!»
Дать выбор сыну должен был отец,
Его не дал, и сын сбежал из дома,
Открылись улицы ему блокады,
И Александр Невин его звали!

2 глава

Блокадный Ленинград, как мир иной,
Здесь больше нет веселья, жизни городской,
В садах и в парках роют рвы,
И вывески со всех домов снимают,
Закрыты досками витрины магазинов,
Величье, красота всех памятников
Теперь под серым саваном -
Спасают так архитектурные шедевры!
На окнах появляются наклейки,
Диагональные кресты,
Защита от взрывной волны.
Блокада город ослепила,
А он всё простирает руки
В поисках своей свободы!

3 глава

И Александр Невин молодой,
Сбежав от своего отца,
Не захотев сидеть лишь дома,
На кладбище пошёл работать,
Нужна ему не подвигов отрада!
Так мало солнца и мороз,
Доходит вот до минус сорока,
Пурга порой, зима пришла,
Прибавить также голод,
Болезни, среди них цинга,

А в будущем и дистрофия.
В блокаде голода купюра -
Лишь только граммы хлеба,
За них одежда, гроб и вещи,
Под натиском желудка,
Все стали жить так экономно.
Вопрос один, кому возможно
В блокадном Ленинграде жить?
Так много умирало в Ленинграде,
На улицах лежали мёртвые тела,
Но человечность, враг фашизма,
Пока не отменила погребенья,
На городские кладбища
Всё трупы привозили, но места
Не хватит вскоре всем.
Платить кусками ещё хлеба
На похороны близких
Не слишком популярно.
Таков декабрь изнутри -
Четвёртый месяц он блокады,
А дальше будет только хуже!

4 глава

Вернёмся к Невину сейчас,
На кладбище герой работал,
Когда он закопал не в первый раз,
От тел лишённых жизни
Необычайно сладкий запах исходил -

Во избежание большой заразы
Раствором поливали их.
Лопату Невин положил,
На снега холмик он присел,
Поддавлено он размышлял:
«Блокада, всем ужасно,
Зима теперь невыносима,
Нет больше электричества,
Нет больше отопления,
Сжигаем мебель для тепла,
Свои учебники и книги,
Как будто книги - безделушки,
Условия теперь такие,
Как будто первобытные мы люди,
Всегда лишь думающие
О разжигании костра.
И может было б лучше
Себя лишить мне жизни,
Чем жить в блокадном граде?»
И вечер о себе дал знать,
Внезапно засияло солнце,
Стал виден мрачный Ленинград,
Предстал тогда во всей красе
Он после утреннего артобстрела,
После симфоний пулемётов,
После налёта самолётов.
Увидел Невин купола соборов,
Которые при солнце не сияли,

Для немцев все они ориентиры,
Поэтому вот перекрасили их всех.
И вспомнил Невин за секунды,
Что шпиль Адмиралтейства,
Чехлом покрыли альпинисты,
Твореньем ткацкого искусства.
И Невин дальше размышлял:
«Как тяжела сейчас блокада,
Да, смерть сладка и так легка,
И этого желают немцы,
Но перекрашу настроенье,
Я спрячусь в храбрости чехле,
Как все герои в Ленинграде!
Условия сейчас Средневековья,
Но мы в начале сентября
На улицах готовились к боям,
Противотанковые укрепления,
Установили мы в те дни,
В сердцах у нас
Патриотизма баррикады,
Их не разрушат немцы,
В себя я верой укрепился!»
Встал Невин, в путь собрался,
Раздалась тут воздушная тревога,
Он побежал в квартиру друга,
Переживая страшно за него!

«Ах, нелюбимый век двадцатый,
Эпоха ты военных технологий,
Теперь не лошади и стрелы,
Теперь летают самолёты.
Прощайте вы, Бородина просторы,
Артобстрелы, не печальтесь
Что вас, увы, страшной бомбёжки.
Снаряды разрушают меньше,
Психологически слабее,
Предвестник бомбы - дикий вой,
И замирает всё в душе,
И даже атеисты молят Бога,
Чтоб пронесло и были живы.
И не услышишь звук разрыва,
Когда умрёшь от взрыва ты!» -
Такое испытали Ленинградцы,
Такие Невина слова и мысли!

6 глава

Готовили подарки немцы,
Ведь близко Новый Год,
И превратили Ленинград
В банкет голодной смерти.
Фашисты сбрасывали зажигалки,
Источники сплошных пожаров,
А те не падали, как бомбы,
Кружились, и от них летели искры,
Поджечь, пытаясь улицы, проспекты,

Торопится наш Невин к другу,
Увидел бабушку одну.
Она протягивала руки
К упавшей рядом зажигалке,
Стараясь погасить её в песке.
К ней женщины другие поспешили,
И даже девушки и дети.
Как дело Родины защиты
Объединить людей способно!

7 глава

Испытывал за друга Невин страх,
Война не мешает делу дружбы,
Василий знает Невина со школы
Всегда играли вместе во дворах,
Договорились - друг без друга
В убежище не побегут.
А только вместе и никак иначе,
Поэтому в квартире ждет
Василий, когда вернётся Невин,
А тот молил Судьбу и Бога,
Чтоб не упала бомба
На дом, где находился друг.

8 глава

Привет он немцев так ужасен:
Пожары и бомбёжки,
Но бомбы, уже не зажигалки,

Остановить их невозможно,
Спасенье лишь в бомбоубежище,
Налёт второй, всё повторяется,
И ничего не охраняется,
Бросают всё, бегут, спасаются,
И Невин до квартиры добежал,
Его Василий смог дожждаться,
Их путь – бомбоубежище!

9 глава

В убежища подвалы превратились,
И ленинградцы в них спасались,
Всегда согреет мир подземный.
Так здесь измученные ленинградцы
От всех бомбёжек будут спасены
На несколько часов хотя бы.
Теперь у них настало время
Немного подремать, поспать!

10 глава

Стояли стулья и скамейки,
С водой виднелись бочки,
Матрасы, подушки приносили,
А также собственные одеяла,
Здесь многие, как дома жили,
Прекрасно, что не очень грязно.
Тогда лежали на матрасах дети,
И матери их обнимали,

Косички дочкам заплетали,
Косички, словно длинный мармелад,
Который в Ленинграде не найдёшь,
Почувствуешь весь этот ад.
Друг другу люди говорили,
Как из столярного им клея
Сегодня, завтра приготовить студень.
Декабрь, холод во дворе,
И с каждым месяцем всё тяжелее,
Всем норма хлеба стала меньше,
Весь хлеб так несъедобен,
Ведь примеси воруют вкус,
Их в хлебе больше половины,
Но из-за голода мучений,
Не избежать своей судьбы -
Ужасной Ленинградца доли.
Паёк до минимума снижен,
И то из-за бомбёжек,
Его гораздо реже выдают,
Высокие все чувства вымирают,
Инстинкты только остаются.
Нахлынули на Невина воспоминанья,
Когда ходил хлеб получать,
Свой голод потихоньку побеждать,
Он перед булочной
Увидел вот тогда воочию
Толпу голодную, немую,
Нет никому до разговоров дела,

Хотят все только граммы хлеба,
И пайка хлеба, как кусочек жизни.
Он встал в толпу, пришла его пора,
Талончик вырезан из карточки,
Получен им кусочек хлеба.
Но как из булочной он вышел,
То сразу дикость он увидел,
Боролись, лёжа, два мальчишки
В снегу коричневом и жёлтом,
И хлеб один держал в своей руке,
А стать другой хотел его хозяином,
Их окружила огромная толпа,
По головам их била женщина,
Кричала, хотелось больше хлеба,
Но всё-таки мальчишка
Из рук другого вытащил свой хлеб,
И громко закричал: «Он вор!»
Так быстро разошлась толпа,
До правосудия нет дела,
Все стали хищниками хлеба,
Добычи нет, зачем весь бор?
Другой мальчишка убежал,
И Невин значенья не придал,
Он рад был, что имеет хлеб,
Его никто не обворует.
На друга Невин посмотрел,
Тот сильно был так утомлён,
Ведь на заводе он работал,

Начальником был Невина отец,
Но героизму не пришёл конец,
Наш Невин дружбой защищён,
Василий друга своего не сдал,
Что неизвестно, он отцу сказал,
Отец подумал, что сын его погиб,
И нет у Невина семьи, лишь дружба,
Её не разорвёт никак блокада!

11 глава

На улицу упала бомба,
В убежище был слышен взрыв,
Изобразит всё это детская картина,
Тот детский, чистый взгляд,
Который этим войнам яд.
Им нет политики, им нет войны,
У них вопрос, лишь почему всё немцы
Куют им цепи голода, оковы
Для матерей, отцов, для них самих,
Но сердцем дети так отважны,
Идут работать на заводы,
Военным, взрослым помогать!

12 глава

Прошла ещё одна блокады ночь,
И уходить совсем не в мочь,
Дождались утра ленинградцы,
Заря настолько алая, как кровь,

На улице увидели, как бомба
Разрушила наполовину дом,
Теперь не дом, зато макет
Разрезанных квартир.
Заметны следы крови на стене,
Не каждый прячется в убежище,
Твоя могила – дом родной,
Хозяин жизни – только случай.
Василий с Невинном простился,
Пора ему вернуться
На Кировский завод² работать,
А Невин на кладбище опять,
Его работа также ждёт!

13 глава

Зима так холодна и снежна,
Везде просторы мрака,
Темно в подъездах,
Темно на улицах,
От жуткого мороза
Всё лопаются трубы.
Необходимы вёдра,
А транспорт отключён,
И деревенский быт запущен,
Тянут теперь все санки.
Троллейбусы застыли,
Внутри них мертвецы,

² В течение всей блокады Кировский завод, оказавшийся почти на линии фронта, продолжал собирать и ремонтировать танки и другую бронетехнику.

И вот на Невина пути
Останки лошади лежали,
Услышим Невина мы фразы:
«Технологична жизнь и что?»
Сейчас всем очень неуютно,
Какой ведь прок от технологий,
Если за месяцы блокады
Троллейбусы не ходят больше,
Не бороздят они проспекты,
Их даже съесть нельзя,
Железные они могилы!
Так много говорят все
Про Дорогу Жизни³,
Жестоко, что сейчас её
Обстреливают немцев пушки,
По Ладоге полуторки не только
Привозят в город наш еду,
Что вносят в это свою лепту
И конные обозы, молодцы!
Они, как эскимосы,
Их путь есть ледяная трасса,
Мороз, ледовые поля, пурга,
Им шанс не мал сосулькой стать,
Но не дано им отступать
Под натиском зимы и немцев!
Да, Ладога, равнина смерти,

³ Дорога жизни блокадного Ленинграда – это единственная транспортная магистраль через Ладожское озеро во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Она связывала блокадный Ленинград со страной. Давала возможность перевозить продукты и другие жизненно-важные вещи.

Утащит хрупкий лёд на дно,
Пусть помолчат американцы,
Их скалы и каньоны,
Уже как парки развлечений
Лишь повод деньги собирать,
У нас же братство, готовы воевать,
Мы за своих, когда идёт война,
Но жаль не понимают это
Для конного обоза
Смогла бы лошадь пригодиться,
Но съели вместо этого её,
Жизнь в голоде
Лишает чести и ума.

14 глава

Дошёл до набережной Невин,
И каждый здесь, как воин,
Везде стоят оружия, пулемёты,
Зенитные также установки,
Неву, как Ладогу, укутал лёд,
На нём стояли батареи.
По набережной Невин вдоль пошёл,
Но в этот раз он сфинксов не увидел,
Их спрятали за доски и мешки,
По памяти восстановил их образ,
Чтоб даже в этот мрачный час
Почувствовать величье Ленинграда.
И вспомнил надпись, говорящую,

Что сфинксы – тысячелетий дети,
Привезены они из Древнего Египта,
Когда-то фараона охраняли,
Теперь в блокаду голодали!

15 глава

И мимо Невина прошла
Лет десяти девчонка,
Несла посылку она в сетке,
А с ней красавица,
Сотрудница милиции, тогда.
Смотрела та по сторонам,
Держа в одной руке дубинку,
И понесло по чувств волнам
Героя Невина в минуту ту:
«Что за посылка, что за тайна?
Не надо гением мне быть,
Чтобы понять, что там еда!
Но я не узник голода,
За ними я сейчас не побегу,
Наоборот хвалить я буду,
Что та красавица,
Идёт на муки и лишения,
Ведь помощь девочке нужна,
Домой чтобы вернуться,
Из-за еды она в беде!
Вот жертвенность,
Вот женственность,

Не зря Василий говорил,
Что заменили на заводе,
Мужчин, воюющих на фронте,
Почти все девушки и дети,
Снаряды, мины и гранаты,
Там производят для войны.
Вот настоящие Валькирии⁴,
А Гитлер допустил ошибку,
~~Нрива~~Вальгу
Не для фашистов, немцев,
Для русских, ленинградцев,
Уверен, выстоим блокаду,
Мы создадим свою Вальгу! »

16 глава

Когда из виду скрылись
Красавица с девчонкой,
Наш Невин понял без труда,
Как духом все отважились
Не умирать, держаться,
Он на Неву взглянул,
Тяжёлый вздох издал,
Который паром стал,
Но для войны тот час настал,
Когда фашисты возвращаются,
Тревогу затрубили снова,
Аэростаты в небесах висели,

⁴ Валькирии в германо-скандинавской мифологии – бессмертные девы чудной красоты, непобедимые воительницы, летающие в золотом вооружении по воздуху.

И смерть врагам от троса.
Аэростаты, как шары,
Прикрепленные тросы,
Фашистских самолётов крылья
Ломают, разрезают.
Была погода в те мгновенья,
Туманная и зимняя,
Но как гореть быстрее,
Аэростаты напоминали о себе,
Они для немцев лёгкая добыча,
Теряют пару, может, самолётов,
Взамен лишают нас аэростатов,
И больше вовсе не метафора
Небо, горящее в огне!

17 глава

Огонь отображали Невина глаза,
Внезапно родилась идея:
«Валгаллу сотворяем - правда,
И в нашем городе горят
Не только заводы и дома,
Ещё и сами небеса!
Огонь даруем небу,
И вздох, как зимний пар,
Огонь снаружи и внутри,
Зима, хоть больше минус сорока,
Не остановит внутренний огонь.
Не зря, что больше века,

Лежат на набережной сфинксы,
По звёздам мы надежды
Возводим обороны пирамиды,
Как египтяне сотни лет назад!
Как пирамиды строили они,
Сейчас никто не разгадает,
И Гитлер никак не отгадает,
Отчего свой город не сдадим?
Построена патриотизма пирамида,
Её макушка небеса сжигает!
Нам не понять истории ходы,
Нам не понять её законы,
Она давно всё предрешила:
Невзгоды, тяжести и войны,
Но вот архитектурой Ленинграда
Даёт ещё она надежды,
Что впереди у нас победа,
Дойдём мы до Берлина!»

Эпилог

В убежище назначил Невин путь,
Читатель его мысли не забудь,
Мы не узнаем никогда,
Что означают пули голода,
Снаряды мороза и зимы.
Скажу я о герое пару слов,
Хороших мыслей у него улов,
Один пошёл в убежище тогда,

Его друг на заводе, там другое,
Умрёт от голода Василий вскоре,
И станет Невин одинок,
Но не придёт к отцу обратно,
Ведь на того упала бомба,
Подумал он, что сын погиб его,
И побежал туда, где самолёты
Бомбили страшно город,
Не победил отца ведь голод
Хотел он отомстить за сына,
И жизнью пожертвовал своей.
Решился сын на фронт пойти,
Как он хотел ещё давно.
Имеет он закал бойца,
Для немцев он непредсказуем,
Как твёрдость Ленинградцев,
Он станет русским пехотинцем,
И выдержит кровопролитные бои,
Не надо кухни полевой,
Блокада дух навеки закалила,
Он будет есть, что даст природа,
И нет ему естественных препятствий,
Себя он будет чувствовать, как дома,
В лесу и в бездорожной степи,
Солдатов дух не объяснить,
Однако героизмом подтверждаем,
Что дан нам всем талант победы,
Важней он тактики войны,

Ведь это сила воли, власть надежды,
И разгромим врагов мы скоро!
Решай, читатель, с Невинным, что стало,
Погиб, иль пережил войну,
И отомстил за всё фашизму,
Тебе хочу дать выбор также,
Мои слова воспринимай, как хочешь,
Но ты поставь себя на день
В условия блокады Ленинграда,
Захочется тебе вернуться очень
В сегодняшние наши времена!
Великий подвиг Ленинграда
С тобой мы не забудем никогда,
Герой ведь этот город навсегда!